
ПРАВО В ЖИЗНИ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ THE LAW IN A STATE AND PERSON LIFE

Научная статья

УДК 340:004.8

DOI: 10.35854/2219-6242-2025-3-386-396

Правовые проблемы внедрения ИИ-технологий в систему государственного управления и администрирования: российский и международный опыт

Алексей Васильевич Буньков¹, Дмитрий Александрович Репин^{2✉},
Павел Евгеньевич Щеголев³

^{1, 2} Институт проблем передачи информации имени А. А. Харкевича РАН (ИППИ РАН),
Москва, Россия

³ Министерство здравоохранения Российской Федерации, Москва, Россия

¹ bunkov-av@iitp.ru, <https://orcid.org/0009-0008-9688-6497>

² repin@iitp.ru✉, <https://orcid.org/0009-0003-4191-6840>

³ schegolev-pe@iitp.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6300-1866>

Аннотация. В статье проведен анализ правовых аспектов внедрения технологий искусственного интеллекта (ИИ) в сферу государственного управления и администрирования, выявлены нормативно-правовые пробелы и предложены меры по их устранению. К задачам исследования отнесены следующие: проанализировать подходы к правовому регулированию ИИ в государственном управлении в различных юрисдикциях; определить ключевые риски и вызовы, связанные с использованием ИИ в публичной власти; сравнить нормативно-правовые модели регулирования ИИ в России, США, странах Европейского союза (ЕС) и Китае. Исследование основано на компаративно-правовом методе, а также методах системного и функционального анализа. Используются нормативно-правовые акты, аналитические доклады международных организаций (Всемирного банка, ОЭСР, ООН), академические публикации и кейсы из административной практики. Авторами выявлены различия в подходах к регулированию ИИ, от мягкого права и саморегулирования (США) до жестких нормативных механизмов с элементами государственного контроля (Китай, ЕС). Показано, что в России отсутствует комплексное законодательство в сфере ИИ в государственном управлении, что создает риски правовой неопределенности и снижения уровня доверия к цифровым административным решениям. Для обеспечения законности, прозрачности и ответственности при использовании ИИ в государственном управлении необходима разработка единой нормативной рамки, учитывающей как международный опыт, так и специфику российской административной системы. Особое внимание, по мнению авторов статьи, следует уделить механизмам алгоритмической подотчетности, защите персональных данных и соблюдению прав граждан при взаимодействии с ИИ-решениями.

Ключевые слова: искусственный интеллект, государственное администрирование, правовое регулирование, цифровизация, алгоритмическое управление, компаративистика, цифровое государство

Для цитирования: Буньков А. В., Репин Д. А., Щеголев П. Е. Правовые проблемы внедрения ИИ-технологий в систему государственного управления и администрирования: российский и международный опыт // Социология и право. 2025. Т. 17. № 3. С. 386–396. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2025-3-386-396>

Original article

Legal issues of implementing AI technologies in public administration and governance: Russian and international experience

Aleksey V. Bunkov¹, Dmitriy A. Repin²✉, Pavel E. Shchegolev³

^{1, 2} A. A. Kharkevich Institute for Information Transmission Problems of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

³ Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹ bunkov-av@iitp.ru, <https://orcid.org/0009-0008-9688-6497>

² repin@iitp.ru✉, <https://orcid.org/0009-0003-4191-6840>

³ schegolev-pe@iitp.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6300-1866>

Abstract. The article analyzes the legal aspects of implementing artificial intelligence (AI) technologies in public administration and governance, identifies regulatory gaps, and proposes measures to eliminate them. The study objectives include analysis of approaches to legal regulation of AI in public administration in various jurisdictions; identifying key risks and challenges associated with the use of AI by public authorities; comparison of regulatory models for regulating AI in Russia, the United States of America, the European Union (EU), and China. The study is based on the comparative legal method, as well as methods of systemic and functional analysis. It used regulatory legal acts, analytical reports of international organizations (World Bank, Organization for Economic Cooperation and Development, United Nations Organization), academic publications, and cases from administrative practice. The authors identified differences in approaches to regulating AI, from soft law and self-regulation (USA) to strict regulatory mechanisms with elements of state control (China, EU). Russia is shown to lack comprehensive legislation in the field of AI in public administration, which creates risks of legal uncertainty and a decrease in the level of trust in digital administrative decisions. Ensuring the legality, transparency and responsibility in the use of AI in public administration requires developing a unified regulatory framework that takes into account both international experience and the specifics of the Russian administrative system. According to the article authors, special attention should be paid to the mechanisms of algorithmic accountability, protection of personal data, and observance of the rights of citizens when interacting with AI solutions.

Keywords: artificial intelligence, public administration, legal regulation, digitalization, algorithmic management, comparative studies, e-government

For citation: Bunkov A.V., Repin D.A., Shchegolev P.E. Legal issues of implementing AI technologies in public administration and governance: Russian and international experience. *Sociology and Law*. 2025;17(3):386-396. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2025-3-386-396>

Введение

Внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в государственное управление является одной из ключевых тенденций цифровой трансформации публичной власти на современном этапе развития государства и общества. ИИ применяют для прогнозирования социальной динамики, автоматизации принятия решений,

персонализации государственных услуг и оптимизации административных процедур.

Проведенное в 2024 г. по инициативе Высшей школы государственного администрирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте Российской Федерации (РФ) исследование под названием «Индекс зрелости искусственного интеллекта федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации»¹ показало широкое использование ИИ решений в государственном управлении. На момент проведения исследования 90 систем уже использовали федеральные органы исполнительной власти и 20 находились на этапе внедрения или запланированы к внедрению. Можно предположить, что неофициальное использование ИИ решений на уровне отдельных государственных служащих, например, связанное с генерацией контента, переводом с иностранных языков или преобразованием изображений в текст (OCR), имеет значительно больший охват.

Аналогично ситуация складывается и за рубежом. В Китае правительство рекомендовало [1] государственным служащим использование модели ИИ DeepSeek для помощи в принятии решений. Однако такое масштабное внедрение технологий несет не только технологические, но и правовые вызовы, требующие комплексного анализа. Нельзя забывать и об этической стороне внедрения ИИ в управление социальными системами [2].

Актуальность проблематики обусловлена тем, что нормативно-правовые системы большинства стран мира не успевают адаптироваться к стремительному развитию ИИ. Это порождает риски произвола, дискриминации, утраты прозрачности управленческих решений и нарушения прав граждан. Особенно острой видится проблема в государственном администрировании, в котором решения, принимаемые с участием ИИ, могут иметь обязательную юридическую силу и затрагивать значительные социальные группы. В этом отношении показательны следующие примеры проблемных аспектов правового регулирования ИИ в России и различных государствах мира, их объединениях.

В России, несмотря на принятие Национальной стратегии развития ИИ до 2030 г.² (далее — Стратегия ИИ), законодательство не содержит специальных норм, регулирующих использование ИИ в публичной власти. Отсутствуют требования к алгоритмической подотчетности, механизмы обжалования решений, принятых ИИ, и независимая экспертиза систем.

Определение понятия ИИ в российском законодательстве содержится в настоящее время в двух актах: Федеральном законе от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ³

¹ Индекс зрелости искусственного интеллекта федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации: аналитический доклад. М., 2024 // Высшая школа государственного администрирования РАНХиГС при Президенте РФ. URL: <https://gspm.ranepa.ru/doc/departments/ai-research/report.pdf> (дата обращения: 17.06.2025).

² Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.: утв. Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731?> (дата обращения: 26.05.2025).

³ О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: федер. закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ // Справ.-правовая система «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/ (дата обращения: 20.05.2025).

и Указе Президента России от 10 октября 2019 г. № 490, утвердившем упомянутую выше Стратегию ИИ. К тому же эти определения не идентичны.

В США регулирование основано на принципах саморегулирования и этических рекомендациях (например, в рамках инициативы AI Bill of Rights, 2022)¹. Однако отсутствие федерального закона, регулирующего использование ИИ в государственном секторе, приводит с правовой точки зрения к фрагментарности и правовой неопределенности.

Существует ряд трудностей имплементации ИИ в государственное администрирование и в Евросоюзе (ЕС): в 2024 г. принят AI Act, который впервые установил обязательные требования к системам ИИ, включая оценку рисков, сертификацию и механизм так называемого черного списка запрещенных технологий. Но практика применения этого акта в сфере публичной власти только формируется².

Наконец, важные правовые дилеммы раскрывает и пример из практики Китайской Народной Республики. В частности, Китай применяет централизованный подход с жестким контролем за ИИ, включая закон о регулировании алгоритмов и механизм предварительного одобрения ИИ-систем в сфере государственных услуг. Но правозащитные механизмы и прозрачность алгоритмов остаются слабым звеном данного подхода.

Таким образом, исследование правовых аспектов использования ИИ в государственном администрировании требует не только теоретического анализа, но и эмпирической оценки, с учетом национальных особенностей и глобальных тенденций.

Материалы и методы

При проведении исследования применена компаративно-правовая методология, направленная на сопоставление нормативных подходов к регулированию ИИ в государственном управлении в различных правовых системах. В качестве источников использованы нормативно-правовые акты, стратегии, подзаконные акты, официальные доклады государственных органов, аналитические документы международных организаций (включая ОЭСР, ВОИС, Совет Европы и Европейскую комиссию), а также научные публикации в рецензируемых юридических журналах.

Особое внимание уделено анализу федерального законодательства РФ, включая Конституцию России, Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»³, Стратегию развития искусственного интеллекта до 2030 г., проекты нормативных актов Минцифры России и Государственной думы Федерального собрания РФ. Изучены нормативные и программные документы США, в том числе инициатива AI Bill of Rights (2022), рекомендации Национального института стандартов и технологий (NIST), а также законодательные инициативы отдельных штатов. Исследованы также регламент Европейского парламента и Совета ЕС по ИИ (AI Act, 2024), Хартия цифровых прав ЕС,

¹ Blueprint for an AI Bill of Rights. Making automated system work for the American people // The White House Official Website. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/ostp/ai-bill-of-rights/> (дата обращения: 02.05.2025).

² EU Artificial Intelligence Act/ Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 // European Union. URL: <https://artificialintelligenceact.eu/the-act/> (дата обращения: 07.05.2025).

³ О персональных данных: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 20.05.2025).

директивы по защите данных (GDPR) и позиции Европейского суда по делам, связанным с алгоритмическими решениями; китайские регуляторные документы, включая Положения об управлении алгоритмическими рекомендациями (2022), государственные стандарты в отношении ИИ и документы Центральной комиссии по киберпространству.

Дополнительно использованы кейсы внедрения ИИ в административные процессы, в том числе цифровые платформы по оказанию государственных услуг (например, портал «Госуслуги» в России, MyGov в Индии, AI Virtual Assistants в Эстонии). Проведен анализ судебных решений, в которых ИИ служит элементом доказательной базы или субъектом предварительного анализа. Применены методы юридической герменевтики, правового прогнозирования, системного анализа и институционального подхода.

Многоуровневый методологический подход позволил оценить не только нормативное содержание правовых актов, но и их прикладную реализацию, а также выявить юридические риски и институциональные противоречия.

Результаты

В процессе анализа выявлен ряд ключевых результатов относительно нормативного оформления, институциональных противоречий и правовой неопределенности в контексте вопроса внедрения ИИ в сферу государственного администрирования.

Во-первых, обратим внимание на фрагментарность правового регулирования на международном и национальном уровне. Ни одна из исследуемых юрисдикций в период написания статьи не имеет завершенной, кодифицированной системы регулирования ИИ в публичной власти. Даже такой комплексный документ, как AI Act в ЕС, не включает в себя специфику административного права и процедур, связанных с делегированием полномочий ИИ-системам.

В России отсутствуют специальные нормы, регулирующие правовой статус ИИ в рамках административного производства или управленческих процедур. Это создает неопределенность при установлении ответственности, подведомственности и механизма обжалования решений, принимаемых с участием ИИ.

Во-вторых, важнейшей проблемой регулирования остается отсутствие единых стандартов алгоритмической прозрачности и подотчетности. Например, применение нейроинтерфейсов фактически не охвачено правовым регулированием [3]. В связи с этим ряд отечественных исследователей предлагают разработать некую парадигму «разумного (само)ограничения», которая позволила бы более осознанно и ответственно внедрять технологии ИИ в управление социально-экономическими процессами [4]. Применение ИИ в государственных услугах, в том числе при распределении социальных пособий, проведении налогового контроля или автоматической идентификации нарушений, не сопровождается унифицированными механизмами верификации решений. Так, в США решения ИИ в системах миграционного контроля неоднократно подвергались критике за «черный ящик» алгоритмов, чьи критерии оценки недоступны ни заявителям, ни адвокатам. В России отсутствует обязанность государственных органов обосновывать решения, принятые на основании ИИ-анализа, что противоречит принципам административной прозрачности.

В-третьих, сообщество ученых-правоведов всех стран и общественность обращают внимание на риски нарушений фундаментальных прав человека. Например, в практике Китая и некоторых других государств известны случаи использования ИИ в системах социального рейтинга, предиктивного полицей-

ского анализа и автоматического мониторинга поведения граждан. Такие меры ставят под сомнение соблюдение прав на неприкосновенность частной жизни, свободу передвижения и презумпцию невиновности. В ЕС, напротив, в соответствии с AI Act и Общим регламентом по защите данных запрещено применение ИИ в определенных высокорисковых сферах без строгого соблюдения процедур оценки воздействия на права человека [5].

В-четвертых, следует учитывать и то, что статус ИИ остается неопределенным. Ни в одной из анализируемых стран ИИ не рассматривают как субъект права, но не закреплен и его специфический статус как особого объекта регулирования в административной деятельности. Это создает сложности при установлении ответственности за вред, причиненный вследствие применения ИИ, особенно при смешанной архитектуре принятия решений (человек + алгоритм).

В-пятых, в целях обеспечения информационной безопасности необходимо решение вопроса установления возможных ограничений на использование ИИ зарубежного производства в государственном управлении либо процедурах допуска иностранных решений при отсутствии российских аналогов.

Обсуждение

Результаты исследования свидетельствуют о том, что правовое регулирование ИИ в государственном управлении на территории РФ и за рубежом находится на стадии становления и характеризуется высокой степенью неоднородности и противоречивости как на национальном, так и на международном уровне. Рассмотрим подробнее ключевые проблемы и дилеммы.

Представляется релевантным в первую очередь указать на противоречие между инновационным развитием и правовой определенностью. Технологическая трансформация требует гибкости правового регулирования, однако чрезмерно мягкие или рамочные подходы (например, рекомендательные модели в США) могут способствовать снижению правовых гарантий и росту произвольности административных решений.

Вместе с тем чрезмерно жесткие модели, как в Китае, могут привести к замедлению развития технологий ИИ в стране и сложностям при продвижении за рубеж решений, ориентированных только на внутренний рынок. Применение в государственном управлении ультратехнологичных инструментов, таких как нейротехнологии, создает повышенные риски для обеспечения прав граждан, поскольку правовые доктрины и законодательство не успевают за стремительным обновлением технологических реалий в управленческих процессах [6; 7].

Вместе с тем наблюдается несоответствие правовых конструкций классического административного права задачам цифровой трансформации. Идеи ИИ-управления противоречат устоявшимся принципам персональной ответственности должностного лица, публичности процедуры и равенства сторон. Автоматическое принятие решений затрудняет применение института административного обжалования, особенно если алгоритм признан коммерческой или государственной тайной. Таким образом, правовые нормы требуют адаптации, включая введение категорий «алгоритмическое управление», «технический администратор» и «экспертиза цифрового решения».

Кроме того, все более актуальной становится проблема международной гармонизации правовых подходов. Между ЕС, США, Китаем и Россией отсутствует согласованность в определениях и классификациях ИИ-систем. В ЕС классифицируют ИИ по уровню риска, в Китае — по степени влияния на общественное

мнение, в США — по типу технологии. Отсутствие единых понятий затрудняет международную координацию, особенно в сфере трансграничных государственных услуг, например при выдаче виз, проверке бэкграунда или признании цифровых подписей, сформированных с использованием ИИ.

Наконец, нельзя не учитывать и политико-правовые вызовы ответственности. Сложность в определении субъектов ответственности за административные решения, принятые ИИ, порождает новую форму правовой неопределенности. Например, если налоговая служба вынесла решение о блокировке счета на основании ИИ-анализа транзакций, возникает вопрос о том, кто несет ответственность: оператор алгоритма, государство, программист или конкретное должностное лицо. Подобные вопросы требуют выработки доктрины «распределенной административной ответственности» с возможностью многоуровневого контроля, а также закрепления в законодательстве соответствующей терминологии, позволяющей определить разработчика, владельца, оператора и пользователя ИИ, или системы, использующей ИИ.

Таким образом, правовые аспекты внедрения ИИ в государственное администрирование требуют переосмысления не только отдельных норм, но и фундаментальных юридических понятий, находящихся в основе публичного права, в том числе с учетом рекомендательных документов международных межправительственных организаций (например, Рекомендаций в сфере ИИ ЮНЕСКО [8]). Разработка юридических механизмов, способных обеспечить баланс между эффективностью алгоритмов и соблюдением конституционных прав, служит ключевым вызовом современной государственно-правовой мысли.

Выводы

Проведенное исследование подтверждает то, что правовые аспекты внедрения технологий ИИ в сферу государственного администрирования представляют собой сложный и многоуровневый феномен, включающий в себя как общие вопросы правового статуса алгоритмических решений, так и частные аспекты, связанные с процессуальными гарантиями, защитой прав граждан и институтами ответственности. По результатам анализа можно сформулировать ряд ключевых выводов.

Прежде всего очевидной становится необходимость системного подхода к регулированию ИИ в публичной власти. Юридическая практика большинства стран демонстрирует, что фрагментарные или односторонние регуляторные подходы (например, ориентированные только на технические стандарты или только на этику) не способны обеспечить комплексную правовую защиту при использовании ИИ в управлении. Особенно это проявляется в сферах предоставления государственных услуг, налогового контроля, социального обеспечения и правоприменительной деятельности, в которых решения, принимаемые ИИ, затрагивают права и свободы граждан.

Во-вторых, с незначительными оговорками, опыт РФ заслуживает положительной оценки (вопреки расхожей альтернативной оценке). Как показывает анализ нормативно-правовой базы и ситуации в целом, в течение последних лет в России наблюдается устойчивая тенденция к институционализации ИИ в публично-правовом пространстве, в сфере цифровой экономики на уровне малого и среднего бизнеса [9]. Так, с 2019 г. реализуется Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 г.; разработаны Концепция регулирования искусственного интеллекта и робототехники, Методические рекомендации по цифровой трансформации государственных корпораций и компаний с госу-

дарственным участием¹, а также экспериментальные правовые режимы в ряде субъектов РФ. В частности, в Москве и Татарстане проводят апробацию систем алгоритмического управления при оказании муниципальных услуг с соблюдением норм о защите персональных данных и возможностью юридического пересмотра решений. Кроме того, значительная часть регулирования переведена на уровень «мягкого права» и технических стандартов, что обеспечивает возможность развития технологий ИИ в стране без избыточного законодательного регулирования.

Один из наиболее значимых выводов сводится к тому, что законодательный процесс в России демонстрирует открытость к экспертному диалогу. Так, проекты федеральных законов в контексте цифровизации административной деятельности в последние годы все чаще разрабатывают с учетом заключений ведущих научных центров и профессиональных объединений. Например, в рамках работы Комитета Государственной думы РФ по информационной политике, информационным технологиям и связи регулярно проходят экспертные обсуждения, включая представителей Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», РАНХиГС при Президенте РФ, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Это свидетельствует о стремлении законодателя учитывать и правовую, и прикладную логику цифрового управления.

Оценивая международный опыт, можно заключить, что он показывает высокую вариативность регуляторных моделей. AI Act в ЕС предлагает жесткий риск-ориентированный подход, вводящий сертификацию и прямые запреты, в то время как США предпочитают механизмы саморегулирования с опорой на *soft law*. Китай, напротив, демонстрирует централизованную модель с превалированием политико-административного контроля. В этом контексте российская модель развивается по пути «баланса»: с одной стороны, стимулируют внедрение ИИ в органы власти с учетом социально-экономических аспектов этого внедрения [10], с другой — вырабатывают меры правовой защиты, включая возможность обжалования решений и проведения технологической экспертизы.

По итогам проведенного анализа для обеспечения использования ИИ в государственном управлении в России можно указать ряд возможных направлений дальнейших действий:

- разработка стратегии использования ИИ в государственном управлении, которая определяла бы в том числе цели и задачи регулирования, а также описывала существующие вызовы и угрозы;

- в целях обеспечения информационной безопасности определение допустимых границ использования систем ИИ зарубежного производства в государственном управлении, с исключением возможности зависимости значимых административных процессов и решений от иностранных производителей. Одним из возможных решений также может стать создание реестра отечественных ИИ-систем, который может выступать критерием при проведении государственных закупок или отборе для получения государственных мер поддержки;

- принятие решений о закреплении законодательных норм в сфере ИИ преимущественно по итогам анализа практики их применения на базе экспериментальных правовых режимов и реализуемых в рамках этих режимов проектов;

¹ Методические рекомендации по цифровой трансформации государственных корпораций и компаний с государственным участием: утв. Минцифры России, с изм. на 12 января 2024 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/565890783?> (дата обращения: 26.05.2025).

— развитие государственных стандартов в сфере государственного и муниципального управления по аналогии с принятыми и действующими стандартами в сферах здравоохранения, образования, транспорта и ряде других отраслей. Несмотря на множество принятых государственных стандартов в вышеупомянутых областях (более 150 действующих ГОСТ¹, в том числе, например, об этических аспектах использования ИИ в здравоохранении), в сфере государственного управления такие документы отсутствуют. Росстандартом реализована Перспективная программа стандартизации по приоритетному направлению «Искусственный интеллект» на период 2021–2024 гг.², которая включала в себя такие стандарты, как «Системы на основе искусственного интеллекта в регистрации сделок с недвижимостью. Методы испытаний систем поддержки принятия решения государственного регистратора». Предусмотрено в дальнейшем дополнить программу стандартами по направлению «Технологии ИИ в государственных информационно-аналитических системах, системах мониторинга национальных программ и системах информационно-аналитического обеспечения ситуационных центров». Вместе с тем такие стандарты отсутствуют в перечне утвержденных.

В целом можно сделать обоснованный вывод о том, что Россия демонстрирует зрелый и конструктивный подход к решению правовых проблем, возникающих при внедрении ИИ в систему государственного администрирования. Федеральное правительство, национальные законодатели и экспертное сообщество работают в направлении формирования устойчивой, сбалансированной и ориентированной на защиту прав граждан модели цифрового публичного права. Подобный подход формирует не только внутренние институциональные гарантии, но и усиливает позиции России в международной правовой и технологической кооперации. Вместе с тем предлагаемые выше меры позволят повысить эффективность внедрения систем ИИ в государственном управлении РФ, а также урегулировать ряд нерешенных вопросов с учетом необходимости обеспечения информационной безопасности в органах власти.

Список источников

1. Local officials in China told to use DeepSeek AI to help them make decisions // South China Morning Post. February 20. 2025. URL: <https://www.scmp.com/news/china/politics/article/3299343/local-officials-china-told-use-deepseek-ai-help-them-make-decisions> (дата обращения: 17.06.2025).
2. Репин Д. А., Игнатьев С. А. «Внедрять нельзя отказаться»: влияние этики на применение технологий искусственного интеллекта в управлении социально-экономическими процессами // Экономика и управление. 2024. Т. 30. № 12. С. 1503–1509. DOI: 10.35854/1998-1627-2024-12-1503-1509
3. Лебедев М. А., Репин Д. А., Тимофеева М. А. Перспективы применения нейроинтерфейсов и технологий расширенной реальности в государственном управлении // Экономика и управление. 2025. Т. 31. № 4. С. 467–474. DOI: 10.35854/1998-1627-2025-4-467-474

¹ Стандарты по направлению «Искусственный интеллект» // Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии: офиц. сайт. URL: <https://www.rst.gov.ru/portal/gost/home/standarts/aistandarts> (дата обращения: 17.06.2025).

² Перспективная программа стандартизации по приоритетному направлению «Искусственный интеллект» на период 2021–2024 гг.: утв. 22 декабря 2020 г. // Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии: офиц. сайт. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/28a4b183b4aee34051e85ddb3da87625/20201222.pdf> (дата обращения: 17.06.2025).

4. Федоров М. В., Репин Д. А., Игнатьев С. А. Технологии искусственного интеллекта в государственном управлении: разработка парадигмы разумного (само)ограничения // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2024. № 5. С. 46–53.
5. General data protection regulation (GDPR) / Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 // GDPR.EU. URL: <https://gdpr.eu/tag/gdpr/> (дата обращения: 09.05.2025).
6. Репин Д. А., Игнатьев С. А. Нейротехнологии в управленческой коммуникации (на примере нейроинтерфейсов) // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2025. № 1. С. 84–90.
7. Репин Д. А., Клевцова О. Ю. Нейротехнологии в когнитивных системах и их влияние на трансформацию государственного управления // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2024. № 6. С. 28–34.
8. Recommendation on the ethics of artificial intelligence. Adopted on 23 November 2021. Paris: UNESCO, 2022. 44 p. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137> (дата обращения: 15.05.2025).
9. Брычев А. С. Государственное управление и искусственный интеллект: новые возможности для малого и среднего бизнеса // Вестник Евразийской науки: сетевое издание. 2024. Т. 16. № 5. URL: <https://esj.today/PDF/31FAVN524.pdf> (дата обращения: 21.05.2025).
10. Fedorov M. V. Socio-economic aspects of the introduction of artificial intelligence technologies // Journal of Digital Economy Research. 2023. Vol. 1. No. 1. P. 6–60. DOI: 10.24833/14511791-2023-1-6-60

References

1. Local officials in China told to use DeepSeek AI to help them make decisions. South China Morning Post. Feb. 20, 2025. URL: <https://www.scmp.com/news/china/politics/article/3299343/local-officials-china-told-use-deepseek-ai-help-them-make-decisions> (accessed on 17.06.2025).
2. Repin D.A., Ignatyev S.A. “Implementation impossible to refuse”: The influence of ethics on using artificial intelligence in socio-economic management. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2024;30(12):1503-1509. (In Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2024-12-1503-1509
3. Lebedev M.A., Repin D.A., Timofeeva M.A. Prospects for the application of neurointerfaces and augmented reality technologies in public administration. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2025;31(4):467-474. (In Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2025-4-467-474
4. Fedorov M.V., Repin D.A., Ignatev S.A. The future of artificial intelligence in public administration: Finding the paradigm of the reasonable (self)limitation. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2024;(5):46-53. (In Russ.).
5. General data protection regulation (GDPR). Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016. GDPR.EU. URL: <https://gdpr.eu/tag/gdpr/> (accessed on 09.05.2025).
6. Repin D.A., Ignatev S.A. Neurotechnologies in managerial communication: The case of neurointerfaces. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2025;(1):84-90. (In Russ.).
7. Repin D.A., Klevtsova O.Yu. Neurotechnologies in cognitive systems and their impact on the transformation of public administration. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2024;(6):28-34. (In Russ.).
8. Recommendation on the ethics of artificial intelligence. Adopted on 23 November 2021. Paris: UNESCO; 2022. 44 p. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137> (accessed on 15.05.2025).
9. Brycheev A.S. Public administration and artificial intelligence: New opportunities for small and medium-sized businesses. *Vestnik evraziiskoi nauki = The Eurasian Scientific*

Journal. 2024;16(S5):31. URL: <https://esj.today/PDF/31FAVN524.pdf> (accessed on 21.05.2025). (In Russ.).

10. Fedorov M.V. Socio-economic aspects of the introduction of artificial intelligence technologies. *Journal of Digital Economy Research*. 2023;1(1):6-60. DOI: 10.24833/14511791-2023-1-6-60

Информация об авторах

А. В. Буньков — руководитель направления Автономной некоммерческой организации «Институт развития интернета», научный сотрудник Лаборатории обработки и передачи информации в когнитивных системах; 127051, Москва, Большой Каретный пер., д. 19, стр. 1;

Д. А. Репин — доктор социологических наук, доцент, руководитель Лаборатории обработки и передачи информации в когнитивных системах; 127051, Москва, Большой Каретный пер., д. 19, стр. 1;

П. Е. Щеголев — заместитель директора Департамента организации медицинской помощи и санаторно-курортного дела; 127994, ГСП-4, Москва, Рахмановский пер., д. 3.

Information about the authors

A. V. Bunkov — Head of Department of the Autonomous Non-Commercial Organization “Institute for Internet Development”, researcher of the Laboratory of Information Processing and Transmission in Cognitive Systems; 19 Bolshoy Karetny Ln., bldg. 1, Moscow 127051, Russia;

D. A. Repin — Doctor of Social Sciences, Associate Professor, head of the Laboratory of Information Processing and Transmission in Cognitive Systems; 19 Bolshoy Karetny Ln., bldg. 1, Moscow 127051, Russia;

P. E. Shchegolev — Deputy Director of the Department of Organization of Medical Care and Sanatorium and Resort Affairs; 3 Rakhmanovskiy Ln., GSP 4, Moscow 127994, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 25.06.2025; одобрена после рецензирования 10.07.2025; принята к публикации 25.09.2025.

The article was submitted 25.06.2025; approved after reviewing 10.07.2025; accepted for publication 25.09.2025.